

A ñ
é ß

STARTER STORY • RUSSIAN • C1

Вагон-библиотека

Вагон-библиотека

Зоя Тимофеевна Гурова заведовала вагоном-библиотекой северной ветки уже тридцать четыре года и за это время выучила простую вещь: люди в тайге не столько читают книги, сколько живут рядом с ними, годами, иногда десятилетиями, будто книга и есть тот сосед, который никуда не торопится.

Вагон прицепляли к товарному составу раз в две недели и тащили по узкоколейке через одиннадцать посёлков, от последней станции с асфальтом до конца ветки, где рельсы просто упирались в лес. В вагоне помещалось три тысячи книг, печка и раскладной стул, на котором Зоя Тимофеевна проводила больше часов, чем дома.

Она вела читательские формуляры так же, как когда-то её мать вела бухгалтерские книги на местном леспромхозе: аккуратным почерком, без единой помарки, и с убеждением, что цифры и даты способны, если приглядеться, рассказать о человеке больше, чем сам человек когда-либо расскажет вслух.

В формулярах хранились долги, которые она никогда не требовала вернуть силой: три года просрочки у охотника из посёлка Ольгино, семь лет у фельдшерицы, переехавшей на материк. Она давно перестала считать эти цифры недостатками читателей. Считала их скорее размером их жизни, растянутой во времени, которое на севере течёт иначе.

Но такого случая, как с Анатолием Прохоровым, за все тридцать четыре года у неё ещё не было. В формуляре напротив его фамилии стояла дата: книга «Мартин Иден» Джека Лондона, взята в тысяча девятьсот девяносто девятом году, из посёлка Тайжино, и с тех пор так и не возвращена.

Она помнила Анатолия смутно: молодой парень лет двадцати пяти, работал на лесопилке, брал книги редко, но всегда что-нибудь серьёзное, будто готовился к экзамену, которого никто ему не назначал. Потом он просто перестал появляться на станции, и вагон, как обычно, покати́лся дальше по своим одиннадцати посёлкам.

В тот год многие уехали из Тайжино: закрылась лесопилка, а вместе с ней и половина посёлка. Зоя Тимофеевна списала долг Прохорова в памяти, хотя формуляр, по привычке, так и не тронула. Списывать формуляр казалось ей чем-то вроде объявления человека умершим раньше срока.

Прошлой осенью, на станции Тайжино, которая теперь состояла из семи жилых домов и заброшенного клуба, к вагону подошёл пожилой мужчина в потёртой телогрейке, с полиэтиленовым пакетом в руке. Спросил, работает ли ещё вагон-библиотека, и, услышав, что работает, помолчал, будто собирался с духом.

«Я вам должен книгу», сказал он наконец, и Зоя Тимофеевна не сразу узнала в этом седом, грузном мужчине того парня с лесопилки. Он достал из пакета «Мартина Идена», потрёпанного, но целого, обёрнутого в газету двадцатилетней давности, пожелтевшую до цвета крепкого чая.

Она молча взяла книгу и открыла формуляр. Двадцать лет и четыре месяца просрочки, если считать точно. Ничего не сказала об этом вслух, только записала дату возврата аккуратным почерком, тем же, каким записывала все остальные даты за тридцать четыре года.

«Не спрашиваете, где я был», сказал Прохоров, и в его голосе Зоя Тимофеевна уловила не облегчение, а какую-то странную обиду, будто он приготовился к вопросу и был разочарован, что вопроса не последовало. «Спрашивать не моё дело», ответила она. «Моё дело книги».

Он всё равно рассказал, стоя в дверях вагона, не заходя внутрь, будто боялся, что если сядет, то не сможет закончить. В тот год, когда он не вернул книгу, умерла его жена Люба, совсем молодая, от болезни, о которой в посёлке узнали только на похоронах.

Книгу он тогда читал ей вслух, по вечерам, потому что своих книг в доме не водилось, а вагон приходил слишком редко для той скорости, с которой ей нужны были новые истории. «Мартина Идена», дочитать не успели. Люба умерла на предпоследней главе.

После похорон он не смог открыть книгу снова. Она стояла на полке двадцать лет, через два переезда, через новую работу в другом городе, через новый брак, который распался, и снова через возвращение на север, туда, где начиналась вся эта история.

«В этом году я наконец её дочитал», сказал он тихо. «Дочитал ей вслух, у могилы, последние три главы. Знаю, что это странно». Зоя Тимофеевна не сказала, что это странно. Она подумала о собственном формуляре долгов, растянутом на тридцать четыре года чужих отсрочек, и промолчала.

Внутри книги, на титульном листе, была надпись, сделанная выцветшими чернилами: «Толе от Любы, чтобы дочитал даже если я не успею». Зоя Тимофеевна не заметила эту надпись сразу, увидела её только вечером, заполняя карточку возврата при свете керосиновой лампы.

Она долго смотрела на эти слова, потом закрыла книгу и поставила её обратно на полку, туда же, где она стояла двадцать лет назад, между «Оводом», и потрёпанным трёхтомником Чехова. Штраф за просрочку, по правилам библиотечной сети, полагался немаленький. Зоя Тимофеевна его не выписала.

На следующей остановке, когда вагон снова тронулся вглубь тайги, она достала формуляр Прохорова и, вместо суммы штрафа, написала одно слово: «возвращено». Ничего больше. Иногда, думала она, самая полная запись в формуляре, это та, где не написано лишнего.

Вагон катился дальше, через одиннадцать посёлков, а «Мартин Иден», стоял на своей полке и ждал следующего читателя, который однажды снимет его с полки, не зная, сколько лет он уже возвращён и сколько лет он ещё будет ждать. Зоя Тимофеевна поставила чайник и села у окна смотреть на снег, начинающий падать над узкоколейкой.

OQOU STARTER LIBRARY

This story is from oqou's free starter library, graded at C1 for Russian readers.

Read it interactively in the oqou app: tap any word for an instant translation, listen with natural narration, and carry your saved vocabulary into every story you read next.

oqou.app

[Download oqou on the App Store](#)

oqou •